

ПАТРИОТИЗМ КАК ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕОЛОГИЯ: ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

«Патриотизм есть любовь
ко благу и славе Отечества
и желание способствовать им
во всех отношениях»

Н. М. Карамзин

«Поэтом можешь ты не быть,
но гражданином быть обязан»

Н. А. Некрасов

Я убеждён, что школа и учителя, по определению, должны быть в условиях существующей многопартийности вне политики. Их единственным предназначением является ничем не прикрываемое служение отечеству и тем конституционным требованиям, на основе которых страна живёт и развивается. Педагог не только не должен, но и профессионально не имеет права вносить в детскую среду какой бы то ни было политической разобщённости, изначально осознавая свою личностную ответственность за формирование в душе каждого ученика, каждого студента любви к своей отчизне, осознания неразрывности своей судьбы с её судьбой, стремления служить ей, чувствовать себя её сыном и дочерью. И поэтому педагог как, пожалуй, никто другой, призван осознавать свою профессиональную предназначенность в целенаправленном формировании у каждого воспитанника тех личностных устремлений и чувств, воплощённых в самом судьбоносном и самом исторически важном для каждого народа понятии, – **патриотизм**.

Именно поэтому патриотическое воспитание как осознаваемая необходимость формирования у каждого из вступающих в жизнь поколений любви к родине отражало и всегда будет отражать самую основную исторически обусловленную потребность народа. Невозможно, чтобы в каждом учебнике по педагогике, в какой бы стране и в какие бы годы он ни был издан, в каждой книге о воспитании не было проявлено особое внимание к патриотизму как самому высокому чувству, сливающему в единые целые судьбы разных людей, превращающему, по сути, то, что называется «население» в **народ**, вбирающему в себя судьбу каждого и превращающего это **эмоционально порождаемое единство** в основной источник исторического развития.

Воспитать патриота значит воспитать сына своего народа, не только призванного в трудную минуту подняться на его защиту и не только видящего в этом свой сыновний долг, но и испытывающего **потребность** соизмерять и определять свою каждодневную деятельность и свои поступки с его интересами, нравственными нормами и традициями. И именно эта неотделимая связь каждого со своим народом нашла своё отражение в проникновенных пушкинских строках:

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

Великий поэт, олицетворяющий в общественном сознании духовно-нравственную сущность всего, что дорого душе человеческой, иначе и не мог написать, потому что «патриотизм» и означает – какой словарь ни возьми – **любовь к своему отечеству, своему народу.**

Но особенность этой любви в том, что она не впитывается с молоком матери в сердце каждого ребёнка. Её как необходимое социуму, но испытываемое человеком чувство, **надо воспитать.** И поэтому педагоги веками стремились раскрывать пути целенаправленного формирования патриотизма.

При этом, как известно, патриотизм, будучи изначально производным от происходящих в социальном бытии народов процессов, по-разному проявлялся и, естественно, с разной эффективностью сказывался не только на воспитании подрастающих поколений, но и на политическом и нравственном состоянии общественного сознания, общественных отношений, государства в целом. И именно эти существенные изменения во всей их совокупности, связанные с воспитанием патриотизма, не могли не сказаться на задачах, выдвигаемых социумом перед педагогами.

И нам, осознающим неотложную необходимость повышения эффективности патриотического воспитания в современных условиях, пожалуй, как никогда важно выявить и раскрыть сущность условий, определявших историческое становление и развитие патриотизма как социальной, **требующей удовлетворения потребности.**

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВИДОИЗМЕНЕНИЯ И СУЩНОСТНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ПАТРИОТИЗМА.

Множество недоразумений, конфликтов и общественно-значимых противоречий возникает из-за одной трудно устранимой, казалось бы, всем известной причины, изменении содержания употребляемых нами понятий,

порой радикальном и мы даже в профессиональном общении не замечаем, что, употребляя одно и то же понятие, вкладываем в него разный смысл. Не-что подобное происходило и продолжает происходить с употреблением не только понятия «патриотизм», но и с рядом производных от него понятий, в частности, таким как «патриот».

И это расхождение трактовок, с одной стороны, объясняется природой возникновения понятия «патриотизм», с другой – социальной противоречивостью его содержательного обогащения и противоположностью возникающих в общественном сознании оценок по отношению к конкретным проявлениям патриотизма в людских поступках.

Так, в истории человечества впервые патриотизм, названный **«полисным»**, выразился в активных проявлениях любви человека к своему городу. Римляне сумели не только отразить в этом судьбоносном для человечества понятии его эмоциональную природу, но и понять, благодаря чему это чувство возникает и рождается в душах. Они сумели осуществить великое и ни с чем несравнимое по своей социальной значимости открытие, суть которого в том, что родительская забота, родное жилище, друзья, своя улица, луг, лес, речка - неодолимо пробуждают в человеке стойкую – на всю жизнь - эмоциональную привязанность, и поэтому могут стать **источником педагогически целенаправленно-патриотического влияния в процессе воспитания.**

В результате **полисный патриотизм** как практическое воплощение этого открытия возник из социальной неотвратимости отождествления места жительства со всеми необходимыми и бесконечно дорогими каждому человеку жизненными обретенными.

Но усложнение социальных отношений, строящихся на языковых различиях, особенностях возникающих и развивающихся культур, родственных связях и т. д. что изначально не ограничивалось пределами города, столь же исторически неотвратимо вело к возникновению **этнического патриотизма**, призванного служить интересам определённых социальных общностей, связанных единством происхождения, культуры, языка и, естественно, осознаваемой необходимостью самосохранения и развития в условиях непрекращающейся борьбы за выживание. Этническая общность, будучи, с одной стороны, необходимым условием для выживания и социальной адаптации рождающихся детей, с другой – находясь в прямой зависимости от степени сформированности их готовности защищать его от каких бы то ни было угроз, быть носителем его духовно-нравственных ценностей, традиций, языка, была основой исторического сохранения данного этноса.

Фундаментальными особенностями полисного и этнического патриотизмов является их социальная обусловленность органичной нерасторжимости каждодневного бытия человека и всей совокупности духовно-нравственных ценностей, воплощённых в историческом опыте народа. Суще-

ствование этих видов патриотизма изначально основывалось на имманентной двусторонности человеческого бытия и развития – **природной и социальной**.

Возникновение же принципиально иного - **имперского патриотизма** уже определялось историческими изменениями в развитии **государства** как политически создаваемой структуры, объединяющей разные этнические группы. В результате объективная обусловленность проявления противоречий и конфликтных столкновений между разными этническими группами разрешалась **на основе приоритетной значимости интересов этноса, создавшего и управляющего государством**. Естественно, что в разных государствах проблема межэтнических отношений решалась по-разному, но суть её изначально определялась государственной защитой интересов правящей нации.

Но уже в конце XIX века начинает заявлять о себе, а в XX веке находит своё практическое воплощение **этатический патриотизм**¹. Бесконечность межэтнических с разным успехом преодолеваемых, а то и непреодолеваемых конфликтов, с одной стороны, не могла не приводить общественное сознание к выводу об их исторической бесперспективности, с другой, кардинальные изменения в социальной структуре общества, приведшие в развитых странах к возникновению «среднего класса», который порожден² этой формой политического правления и всемерно заинтересован в её сохранении и упрочении.

Возникшее при этом принципиально новое соотношение общественных интересов, убедительно доказывающих несостоятельность и социальную разрушительность имперских амбиций, нашло своё теоретическое обоснование в признании, образно говоря, исторической «выгодности» особого **светского** государства, способного благодаря общей для всех Конституции выражать интересы не только каждого этноса, но и каждого гражданина.

История в очередной раз доказала, как важно, подметив энергетическую плодотворность возникшей идеи, не только политически и организационно её поддержать и использовать, но и максимально заботливо без особых социальных потрясений найти пути её последовательного превращения в программный источник поступательного развития. И такой источник, обеспечивающий реальную возможность эволюционного социального развития, нашёл своё воплощение в вербальной преемственности всем известного понятия «светский».³

¹**Этатизм** (государственничество) (от фр. État — «государство») — идеология, утверждающая ведущую роль государства в политической жизни, включая подчинение интересов как отдельных людей, так и групп интересам государства

<https://ru.wikipedia.org/wiki/>

³ Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000; Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах. Т.2. - Издательский дом «Рипол Классик», 2007

Естественно, что у таких семантических преобразований может быть множество объяснений. Но одно из них - в возникшей социальной потребности обозначить и ввести в общественное сознание заявивший о себе и чрезвычайно значимый для социума процесс (явление).

Но у этой семантической процедуры есть и другая сторона, которая привносит в жизнь социума трудно преодолеваемые противоречия и сложности. И связаны они с тем, что общественное сознание, определяющееся разными поколениями, не может одинаково воспринимать такого рода семантические изменения. И для тех, кто привык трактовать именно так, а не иначе, определённое понятие, не только трудно воспринять его новую содержательность, но и подчас нежелательно и даже невозможно. Ведь такого рода семантические преобразования не только индифферентное знание, не вызывающее активного желания воспротивиться, но затрагивающее дорогие традиции, мировоззренческие установки и убеждения, что нередко создаёт в общественном сознании особую полисемичность⁴, порождающую не только в межличностном, но и в научном общении непонимание, недоразумения и бесчисленное множество социальных конфликтов.

И именно эта сторона семантических новаций буквально принуждает нас, живущих в XXI веке, бесконечно осторожно вторгаться в мир слов, глубоко осознавая, что он - этот мир - живёт по своим законам, и что именно благодаря ему человечество может общаться, познавать, открывать себя, любить, восхищаться, обогащать социальное бытие открытиями, новыми идеями, совместно трудиться.

Известно, что **в начале было Слово**, и когда речь идёт о человеке, то, так называемая физиологами «вторая сигнальная система» в действительности является **первой**, определяющей духовно-нравственную сущность личности, поднимающей человека на подвиг или, наоборот, унижающей, оскорбляющей доводящей о самоубийства. Именно «слово» по В. Маяковскому – тот «полководец человеческой силы»⁵, который единственно способен и призван вести человечество в создаваемое им же будущее.

При всём обилии слов, образующих тот или иной язык, и подчиняющихся определённым законам, мы не можем не осознавать того, что социальная значимость каждого из них различна. Среди них есть такие, которые обретают свою социальную значимость только в определённом смысловом контексте, и их преобладающее большинство. Но есть и такие, которые сами,

⁴ Полисемия (от греч. πολυσημία — «многозначность») — многозначность,

⁵ В.Маяковский. Сергею Есенину. Маяковский В.В. Полн.собр.соч. в 13 томах. Том 7. Стихотворения, очерки 1925-1926. Литературно-художественное издание / М.: Гослитиздат, 1958

благодаря своей роли в жизни человека, народа, страны, самим фактом своего существования создают определенный и всем понятный контекст. Для каждого живущего слова «мама», «семья», «родина» изначально наполнены особым смыслом, превращающим их в неуходящую из человеческой души ценность. Естественно, что в ряду таких, наполняющих определённым смыслом человеческую душу, относится одно из самых значимых слов в судьбе и отдельного человека, и народа - «патриотизм». Ведь именно оно смыслом своим и исторической предназначённостью определяет отношения между обществом и личностью, народом и его сыновьями, государством и его гражданином. И только от того, насколько конкретный человек ощущает и осознаёт свою личную ответственность за своё отечество, насколько убеждён, как сказано в одном фильме, «что без меня народ неполный», признавая тем самым, не только свою готовность служить своей отчизне, но и видеть в этом служении смысл своей жизни, зависит её будущее, и та роль, которую она сыграет в исторической судьбе человечества.

Но, будучи фундаментальной основой социального бытия и развития человечества вообще, и, естественно, каждого государства, эти судьбоносные слова невероятно уязвимы. Они не только теряют свою судьбоносную значимость, но и буквально превращаются в ничто, сталкиваясь с людским равнодушием, иронией и, тем более, насмешкой. А с таким отношением социума к себе они обязательно сталкиваются, если их конъюнктурно эксплуатируют, если их, как говорится, к месту и не к месту произносят, если, наконец, в людских, а, тем более в детских сердцах они не находят отклика.

«Патриотизм» по своей социальной предназначённости именно такое Слово, и без эмоционального личностного восприятия оно не только не способно выражать судьбоносные интересы народа и страны, а, наоборот, превращается в ни с чем несравнимую по своей лицемерно-циничной разрушительности силу.

И государству, строящему своё поступательное развитие на основе этатического патриотизма как фундаментальной основе объединения миллионов людей с разными интересами, стремлениями и политическими взглядами, нельзя постоянно не учитывать этой опасности.

Однако обязательность соблюдения требования социально осторожного, не допускающего суетной конъюнктурности использования этатического патриотизма в государственных интересах, несомненно, очень значимо, но не исчерпывает всех проблем, требующих от государства системных решений.

ГЛАДКО БЫЛО НА БУМАГЕ...

Как было бы замечательно, если бы самые что ни на есть научные социальные теории были адекватны реальной действительности. Прочитал, изу-

чил – действуй. Но это несоответствие настолько разительно, что управлять государством, принимать решения приходится в реальной действительности не создателям самых замечательных теорий, а совсем другим людям. Тем, кто оказывается способным повести за собой других, увлечь, подчинить, в конце концов. Кто - пусть и разными путями, и по разным основаниям - обретает право властвовать, управлять, принимать обязательные для других решения. Когда это самое право носит наследственный характер и по установленному и всеми признаваемому закону переходит от отца к сыну, то действует принцип, определяющий политическую и социальную стабильность государства – «Король умер. Да здравствует Король!» Новый король фактом своего рождения обретает власть, освящённую в глазах народа и существующих в государстве органов управления имманентностью принадлежащего ему права. Буквально с первого часа и дня коронации всё и вся ему добровольно подчиняется. И когда Людовик XIV произносил «государство- это я», он нисколько не преувеличивал. Это утверждение отражало сущность сложившихся в государстве общественных отношений.

Но совсем другая в стране ситуация, когда каждому стремящемуся к власти надо не только за неё, бороться, но и ни на минуту не прекращать этой борьбы, даже уже добившись своей цели, и придя к власти. За общими фразами типа «личные или групповые интересы», «личностные амбиции», «противоречивость реальной действительности», «социальные конфликты», «сохранение политического режима» и т.д. – живые люди, со своими личностными особенностями, характером, страстями, масштабом выдвигаемых целей и избираемыми путями их достижения. Государственному лидеру приходится пройти самый сложный путь для упрочения своей власти и постоянно испытывать проверку на прочность своего положения. И, естественно, что он не может обойтись без поддержки определённых социальных групп и опоры на ценности, традиции и идеи, значимость которых несомненна. Одной из таких исторически жизненно необходимых ценностей является «патриотизм», без опоры на который не может обойтись ни один государственный правитель.

При всём многообразии источников, являющихся опорой государственной власти, значение «патриотизма» как фундаментальной опоры власти ни с чем несравнимо. Ибо, в отличие от других ценностей, **«патриотизм» - это испытываемое человеком чувство**, изначально определяющее не только его восприятие и оценку всего происходящего в реальной действительности, но и целевую предназначенность его жизни.

Реальная возможность каждого пришедшего к власти опереться на испытываемое людьми чувство патриотизма - исторически самая эффективная и фундаментально значимая основа государственной стабильности. Ибо не

только этот правитель и подчинённые ему органы управления обеспечивают, существование политического режима, но и конкретные социальные группы, которые, по сути и определили самую возможность его прихода к власти. Но это, как говорится, обобщённая схема.

Потребность политического использования патриотизма как средства укрепления власти определяется социальной сложностью реальной действительности. Ведь политический лидер приходит к власти в разных социальных условиях, изначально определяющих пределы его властных притязаний и возможностей. Он не может не считаться с политической противоречивостью реальной действительности, определяемой в многонациональных государствах **столкновением разных видов и проявлений патриотизма**, т.е. конкретных людей, испытывающих и руководствующихся принципиально иными патриотическими чувствами. Пришедший к власти либо стремится разными путями, вплоть до политического преследования, подавлять политических оппонентов, либо пытается найти компромиссные решения, по крайней мере, не ведущие к открытым социальным столкновениям и конфликтам.

Таким образом, чувство патриотизма, являющееся фундаментальной опорой государственной власти, определяюще сказывается, не может не сказываться на политической стабильности государства. Различие испытываемых реальными людьми патриотических чувств по отношению к проводимой властью политике, отстаиваемых ею интересов и ценностей приводит к возникновению противоречивости между такими судьбоносными для каждого государства понятиями как «патриот» и «гражданин». Как представляется, пути не просто сближения, а объединения населения, разных этнических групп, социума под эгидой государства в единый народ идут через преодоление, устранение причин противоречий.

УСЛЫШАТЬ И ПОНЯТЬ ДРУГОГО.

Не приходится удивляться, когда кто-то чего-то, даже кажущегося очень важным, не знает.

К сожалению, остаётся не прояснённым этот судьбоносный для государства вопрос о причинах разрушительной противоречивости социальных явлений, проявляемой в исторически сложившемся несоответствии понятий «патриот» и «гражданин». И значит, остаётся без социального осмысления отношение к «патриотизму» как основе государственного воспитания многих авторитетных, признанных во всём мире философов, писателей, педагогов, государственных деятелей, которым в любви к своему народу, своему этносу и своему государству не отказать.

Для доказательства этого утверждения я не буду ссылаться на мнение экспрессивного и не всеми равно воспринимаемого Оскара Уайльда, утверждавшего, что патриотизм «есть великое бешенство» или даже Самюэля Джонсона, считавшего патриотизм «рабством». Но разве кто-нибудь откажет в любви к своей стране, своему народу великому поэту И.В. Гёте, заявившему: «Патриотизм портит мировую историю». И разве мы можем не задумываться над суждениями человека, оказавшего и продолжающего оказывать преобразующее влияние на всё человечество, великого сына русского народа - Льва Николаевича Толстого, утверждавшего вслед за Джонсоном, что «патриотизм - прибежище негодяев» и вообще считавшего его «чувством грубым, вредным, стыдным, а главное – безнравственным», и с неизбежностью порождающим войны и служащим «главной опорой государственному угнетению». С этих позиций получалось, что быть патриотом, служить и во всём поддерживать государство недопустимо, безнравственно, и даже преступно. Но не потому, что им лично «не нравился» государственный патриотизм, а потому что он, служа интересам только одной социальной группы, был в сути своей не только антинароден, но и античеловечен. И настоящим патриотом, не стремящимся угождать ради личного благополучия и карьеры правящему режиму, ставящим интересы эксплуатируемого народа превыше интересов правящей политической верхушки, может быть только **гражданин**, осознающий свою личную ответственность за свой народ, его настоящее и будущее.

В современных геополитических условиях, определяющих развитие человечества в XXI веке, представители любого социального сообщества, не могут не понимать, что, с одной стороны, нельзя народ, а тем более, всё человечество, буквально тащить к счастливому будущему, ломая, как говорится, через колено, с другой же - что ни одному народу исторически самосохраниться, оказаться способным определять своё будущее, без «государства» **невозможно**. И эта историческая необходимость должна быть по-настоящему ответственно воспринята самим народом и теми, кто по Конституции обязывается им управлять, а значит – **служить ему**. И нам как социуму не только не обойтись без признания объективности возникновения противоречий между разными, порой противоположными проявлениями патриотизма, но и необходимости выявления путей гармонизации этих проявлений.

Государственные интересы, по определению, не могут находить своего оптимального воплощения без максимального учёта позиций, политических устремлений и убеждений не только представителей политической оппозиции, но и тех, чей талант и чьё творчество, достигнутый в общественном сознании авторитет, превратили каждое сказанное ими слово в источник социальной активности многих людей.

Естественно, если считать основной политической целью силовое подавление критиков требуемого властью патриотизма, то о такой «гармонизации» и говорить бесполезно. Если же исходить из принципиально другой позиции, изначально требующей во главу угла поставить заботу о настоящем и будущем России как одинаково дорогой для тех и других **родины**, без внимательного и заинтересованного отношения к существующим в социальном пространстве мнений не обойтись. Тем более, что они, даже продиктованные явной или неявной критичностью, напрямую, наполняя понятие «патриотизм» личностным содержанием несомненно служат стране.

Я специально не буду называть фамилии всем известных и уважаемых людей, наших современников, чьи высказывания о патриотизме хочу привести, чтобы согласие или несогласие вызвало само определение, а не конкретная фамилия автора.

Вот только некоторые из таких опубликованных определений:

- Патриотизм – это деятельная любовь к родине, побуждающая человека к поступкам, которые призваны сделать жизнь его страны лучше. Патриотизм часто путают с болтовней о патриотизме и с национальным самовосхвалением - вещами бесполезными и даже контрпродуктивными.
- Патриотизм — любовь к родине. Сегодня государство требует ее от граждан, совершая при этом очевидную подмену: вместо любви к родине государство требует любви к себе. Но родина и государство вовсе не являются синонимами, это вещи не равные.
- Не говоря уже о том, что любовь - это свободное чувство, и принуждать к ней нельзя, в особенности превращая любовь в знак верноподданничества. Любовь к родине вырастает из глубокой привязанности человека к семье, к дому, к месту, где он родился, к друзьям своего детства, к языку, к культуре, к традициям, а вовсе не введенная в канон любовь к начальству. Может быть, лучшие в мире слова о любви сказал апостол Павел (1 послание к Коринфянам, 13, 4), и всякий раз, когда речь заходит о любви, неплохо их вспоминать:
- «Любовь долго терпит, милосердствует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется...» А теперь попробуем соотнести тот казенный патриотизм, который нам предлагается сверху, со словами апостола Павла, и многое прояснится.
- Патриотизм - это трезвость. Осознанность. Спокойное понимание того, что с твоей Родиной происходит, попытки разобраться на трезвую голову с современным её состоянием. Поэтому для меня

важнейшее условие патриотизма - сознательное уклонение от любого рода манипуляций, политических, психологических, медийных.

- Подлинным патриотом России является тот, кто считает главной бедой российского общества отсутствие благоговения перед человеческой жизнью – «жизнь – копейка» наша главная пословица».
- Патриотизм - любовь к Родине. Любви научить нельзя, но можно научиться (это как быть поэтом). Сколько Родин у человека? Жизнь показала - больше чем одна. Одну родину любишь, но странную любовью, другую помнишь, но вовсе не любишь, или еще и ненавидишь...Родина большая, Малая родина... Всяко раз-но бывает.

Принято считать, что патриот - это бесстрашный герой, с багажом идеологических или религиозных ценностей, и всё у него в единственном числе. А если иначе - то значит и не патриот, и не герой, и вообще неизвестно что, заклеить и отменить такого. Патриотизм - глубокое чувство думающего и не равнодушного человека, чувство красивое, но изменяющееся, как и все прочие чувства. И не считаю, что возможно одно единственное и растянутое на всех определение патриотизма. Каждый его сам себе "нарисует" - мой патриотизм помещен во мне не для того, чтобы декларировать, но, чтобы руководствоваться им в жизни моей. Моей, а не чьей-то и для кого-то.

То есть патриотизм может быть и чувством интимным, вслух на вопрос патриот ты или нет и как ты понимаешь патриотизм - отвечать не обязательно. Тем более общеизвестно, что отсутствие патриотизма вменяется человеку виной, а вина подразумевает наказание. А наказывать будет кто? Кто Родину требует любить? Да пошел он лесом...

Нетрудно отметить, что все эти определения как бы состоят из двух частей, где в первой раскрывается, как человек понимает, что такое «патриотизм», а во второй – какие особенности должны его характеризовать, и что он должен в первую очередь отстаивать. И если первая не только не отличается от определений «патриотизма» разделяемых всеми, а полностью совпадает, ибо все считают «патриотизм» испытываемым чувством любви к родине, то вторая – является либо желаемым **дополнением**, которое раскрывает в чём эта любовь **должна проявляться**, либо **отрицанием** чего-то нежелательного, но проявляющегося в «патриотизме», служащем интересам власти.

И естественно, если исходить из полного совпадения понимания сущности патриотизма как испытываемой **каждым любовью к родине**, то вывод – один, а если из содержательной противоречивости принципиально другой, то столь же естественно, что в одном случае политический лидер будет стремиться делать всё необходимое для **сглаживания** в общественном сознании и реальном бытии общества этих противоречий, во втором же – не только не сглаживать, а всемерно **поощрять**.

Но решение, которое принимает политический лидер определяется не только и не столько столкновением активных носителей разных трактовок «патриотизма», сколько населением руководимой им страны. И не в последнюю очередь вступающими во взрослую жизнь поколениями молодёжи, о которых принято говорить – «наше будущее». Если вникнуть в суть борьбы, между «государственным патриотизмом» и «гражданской ответственностью», то не так уж трудно понять, что ведётся она за эти самые поколения. Не временщик, а любой серьёзный государственный лидер, просто не может не понимать, как важны для исторической судьбы страны те цели, которые эти поколения будут перед собой ставить, и ценности, которые будут ставить превыше всего и – значит – защищать.

Важно знать, чего они хотят, к чему стремятся, что любят, что ценят ещё «сегодня», не пришедшие к власти, но «завтра» она в них будет нуждаться. Как и в чём видят проявления патриотизма? Надо учитывать, что, живя в атмосфере непрерывно происходящих конфликтов, они вольно или невольно, в большей или меньшей степени вовлекаются в противоборство, занимая ту или иную позицию. Чувствующий свою историческую ответственность политический лидер не может не понимать, что принимаемое им решение способствует, если и не полному преодолению разрушительной для народа социальной внутригосударственной противоречивости, то, несомненно, смягчению её проявлений, или же, наоборот, её радикальному усилению, требующему всё большего вовлечения в этот губительный водоворот молодых поколений.

ОТ ИДЕОЛОГИИ ПАТРИОТИЗМА К ПАТРИОТИЗМУ – ИДЕОЛОГИИ.

Наша беда, что сплошь и рядом мы не замечаем происшедших в реальной действительности и даже в межличностных отношениях неодолимо происходящих изменений и поступаем точно также, как всегда. Мы, не задумываясь, действуем по сложившейся привычке. Смею утверждать, что в большинстве случаев именно из-за этого возникают самые разрушительные семейные конфликты.

Но разрушительность такого рода «слепоты» проявляется не только в межличностных, но и во всех видах, включая **политические**, общественные отношений. Хотя я не политолог, а педагог, считающий, что школа, учитель и педагог должны быть вне политики, не позволяя себе высказывать в учебной аудитории своих личных политических пристрастий, не могу не признать чрезвычайной важности одного аспекта столь судьбоносной проблемы. Собственно, **педагогического**, без которого **практическое воплощение в жизнь любой программной идеи**, включая идею патриотизма как государственной идеологии, невозможно.

Решение столь сложной проблемы на уровне практической деятельности не позволяет уклониться от выяснения **причин**, приведших к исторической востребованности перехода в России от «патриотизма как «испытываемого человеком чувства» к «патриотизму как государственной идеологии», тем самым превращая его в фундаментально содержательную основу отечественного образования. И так как идея столь беспрецедентно радикального перехода возникла не сама по себе, а выдвинута конкретным человеком, то просто невозможно, как и в любом творческом акте, разорвать её смысловую определённость, и целевую предназначенность от личности её автора, которым, как известно, является Президент РФ В.В. Путин.

И я, заранее прошу прощения, если мои объяснения могут не совпасть с другими возможными объяснениями, но, не разобравшись в сути принципиально новой для образования ситуации, мне, моим коллегам – школьным и вузовским педагогам не выполнить задачи, поставленной перед нами Президентом нашей страны.

И для этого я вынужден вернуться к высказанной выше мысли о присутствующей нам особенности по сложившейся привычке относиться к происходящему в реальной действительности, не замечая происшедших в ней глубинных изменений. И мы убедительно для себя и, как правило, неожиданно сталкиваемся с ними, когда они уже заявляют о себе в виде состоявшегося факта, поступка, официально принятого решения. На основе своего многолетнего учительского и педагогического опыта, постоянного ведущего на Всесоюзном радио передачи «Взрослым о детях», ведущего в Политехническом музее Круглого стола «Школа и время» я написал много статей и книг, в которых раскрывалась динамика изменения социальных отношений, начиная от межличностных, профессиональных и завершая общегосударственными. При этом и для родителей, и для влюблённых, и для учителя, и государственного деятеля я пытался донести неодолимо и при этом диалектично проявляющуюся в людских отношениях закономерность – либо они благодаря определённым условиям и целенаправленным усилиям последовательно по нарастающей развиваются, и тогда от вас зависит происходящее не только в настоящем, но и в будущем, либо, наоборот, сами отношения втягивают нас в водоворот происходящего, и мы, исходя из разных соображений, даже пы-

таясь найти для себя, как говорится, оптимальное решение, никак уже не влияем на углубляющуюся негативность этих отношений. При этом я даже раскрыл перед педагогами, родителями и вообще воспитателями процесс проявления первых симптомов, свидетельствующих о возникающих и при этом негативных изменениях в отношениях с учениками и родными детьми. И самым главным, что я старался донести и объяснить, была ни с чем другим несравнимая ценность отношений, которые, как и всякий объективно протекающий процесс, не могут не развиваться. А вот как будет протекать этот неостановимый в своей непрерывности процесс – лежит на вашей ответственности

И мне думается, что такой подход, обусловленный необходимым извлечением из педагогического опыта, может продуктивно сказаться и при выявлении сущностных особенностей эмпирического воплощения в жизнь **патриотизма как идеологии**. И именно этот подход создаёт необходимые предпосылки не только для раскрытия сути анализируемого явления, но и причин его исторической обусловленности.

Так в печати довольно часто муссируется вопрос о долголетию занимаемой В.В. Путиным должности. И 16 лет руководства страной действительно большой срок. Мы даже сравниваем его с таким пока непревзойдённым политическим долгожителем, как Л.И. Брежнев. Но делаем мы это сугубо календарно, не замечая исторической недопустимости столь формального сравнения. Ведь одному досталась «власть» в полном смысле этого слова, а другому – только самый страшный в своей мучительности вопрос «ведь не может быть, чтобы этот ужас продолжался?!». И я, чьё детство пришлось на годы войны, испытавший ужас прямой бомбёжки на мосту под Черкассами, пытавшийся от мучительного голода найти хлебные крошки в складках матерчатой сумки, и члены большой семьи которого либо сложили свои головы на разных фронтах, либо убиты немцами, впервые испытавшего и бурно выразивший вместе с другими пацанами ни с чем несравнимую радость от взятия Киева, не могу не понимать, что пришлось испытать этому человеку, чья родина буквально безнаказано кем угодно раздиралась на части и вынуждено стояла перед всем миром с протянутой рукой. Не могу не понимать, что чувствует человеческая душа, которой буквально приходится, выражаясь словами поэта, не только «лепить из того, что было», но и мучительно корчиться от испытываемой боли. И он не только через всё это сумел пройти, но и извлечь самый политически главный вывод – власть, не способная влиять на происходящие в стране события, вынужденная подчиняться внешним и внутренним неуправляемым влияниям, в сути своей, какие бы при этом от её имени слова не произносились, преступно антинародна. Чтобы ни происходило, последнее слово должно принадлежать власти, если она живёт не только сегодняшним днём и не только близорукими откровенно личностно эгоистическими интересами. И только в этом – концентрированное осознание исторической ответственности, воплощённой в самом слове «власть».

И я как педагог не могу не понимать, что самым великим проявлением творчества является политическое руководство страной, когда приходится руководить миллионами людей, у которых не только свои интересы и цели, но и которые не согласны с тобой и даже в открытую борются против тебя. И когда вынужденно приходится искать «точки опоры», без которой о каком-либо достижении цели и говорить не приходится. И, значит невозможно не опираться на тех, кто не только может тебя поддержать, но и способен навязать свою политическую волю всем остальным. И неслучайно, что в такой трагедийной ситуации ими оказываются те, кто связывает свои интересы с «сильной рукой», способной не только привести их к власти, но и заставить её служить себе. Но эта, сколь угодно «сильная рука», не сможет добиться, чтобы в людских сердцах и душах создаваемое государство **добровольно всеми было признано своим**. Естественно, если этого хотеть и к этому стремиться. И, значит, без тех, кто любит свою родину и связывает её интересы с сильным государством, кто не только готов служить ему, но и именно в этом видит предназначенность своей жизни, не обойтись. И в течение всех лет своего правления В.В. Путин как политический лидер государства опирался на чувство патриотизма своих сторонников, не особо считаясь с проявлениями патриотических чувств своих оппонентов. Самым главным для него была осознаваемая необходимость ни на мгновение не терять возможности властного - вплоть до использования уголовных наказаний - управления страной, не взирая ни на что. При этом он не только опирался на своих сторонников, но и, в свою очередь, при необходимости защищал интересы и каждого из них.

Но, как оказалось, политический лидер Владимир Владимирович Путин не служил и не служит ни своим политическим друзьям и единомышленникам, ни поддерживающей его партии, а – только и единственно – народам России, их настоящему и будущему. И его признание о назревшей необходимости превратить патриотизм в государственную идеологию, по сути и означает происшедшее изменение в политическом климате страны. И с этой минуты Президент Российской Федерации как гарант единой для всех государственной Конституции официально признаёт не только равное отношение власти к каждой политической партии и ко всей разноголосице мнений и политических взглядов, если они продиктованы, пусть и с несовпадающих мотивационных установок, заботой о родине, но и видит в этом самый основной резерв исторически востребованного уровня бытия и развития России. Никому не отказывая в праве руководствоваться своими интересами, своим политическими пристрастиями, традиционными нормами и ценностями, если они не вредят России, Президент страны видит в самом переходе от неистребимой противоречивости разных проявлений патриотизма к общей для всех государственной идеологии, вбирающей в себя в органическом единстве не только любовь, но и программную совокупность знаний, благодаря которым великие слова «патриот» и «гражданин» станут на конституционной основе самыми исторически необходимыми России синонимами.

И надо признать, что проявленная В.В. Путиным удивительная способность использовать преобразующие возможности патриотизма как государственной идеологии не просто очередное эффективное предложение, а реальная возможность решения, пожалуй, самой важной и исторически самой судьбоносной проблемы на фундаментальной основе каждодневно функционирующей системы отечественного образования. И как мудрый политик он не только стремился к этой цели, но и, понимая сложность взаимоотношений государства и общества, постепенно шаг за шагом, используя каждую возможность, «готовил» общественное сознание к положительному восприятию этой объединяющей идеи.

Так, возвращение к музыке прежнего государственного гимна или личная поддержка созданного 2002 году по инициативе прихожан храма Новомучеников и Исповедников Российских на Бутовском полигоне, где были захоронены жертвы политических репрессий мемориального центра «Бутово», при своей очевидной политической противоречивости, были уже тогда достаточно убедительным проявлением его властных устремлений к объединению не абстрактного социума, а реальных и при этом политически и ценностно противостоящих, но любящих свою родину людей.

При этом Путин, призывающий уже в 2002 году к единству, и даже примером своим доказывающий, насколько оно необходимо государству, хорошо учёл трагичный опыт либерального благодушия, приведшего, в конечном итоге, к развалу СССР. И он, пожалуй, как никто другой понял, что быть назначенным, официально утверждённым и сколь угодно легитимно признанным Президентом Российской Федерации ещё не значит быть Президентом для каждой этнической группы, и, тем более, для каждого гражданина страны. Трагичность и величие социальной диалектики в том и состоит, что любое социальное преобразование, востребованное как осознаваемая и судьбоносная потребность народа, с одной стороны, не может быть осуществлено без опоры на властный потенциал государства, с другой сама власть призвана осознавать свою ответственность за эффективное и максимально безопасное для общества протекание этого процесса. И именно Путин, пожалуй, как никто другой в истории нашего государства, не только осознал реальную беспомощность власти, не осознающей своей ответственности перед будущим, но и историческую трагедийность сколь угодно замечательных идей, но требующих для своего воплощения всякого рода насильственных действий, вплоть до человеческих жертв.

И именно эта осознаваемая необходимость внутригосударственного единства всего народа как исторически востребованное условие его поступательного развития в условиях глобализации и объективно существующей готовности использования политических возможностей Президентской власти для достижения такой цели стали основой для программного провозглашения перехода к патриотизму как государственной идеологии.

Наш Президент оказался очень хорошим учеником истории, способным учиться и поэтому способным учить. И, настаивая на переходе к патриотизму как идеологии, он поступает как политик - педагог, для которого все дети одинаково дороги, которых нельзя и государственно недопустимо противопоставлять друг другу. И мне как педагогу нельзя не признать продуктивности позиции, видящей в такой идеологии предоставленную России историческую возможность слияния воедино созидательной энергии народа и властных возможностей государства.

Но, как выше отмечалось, воплощение в жизнь даже самой замечательной идеи напрямую зависит от тех людей, к кому она сутью своей обращена. И я не настолько наивен, чтобы не понимать, как многие могут отнестись и отнесутся к моим рассуждениям о выдвинутой Президентом страны идее патриотизма как государственной идеологии. И поэтому возможная разногласия мнений представляется не только естественной, но и продуктивной.

Человек не должен, не думая и не рассуждая, не только принимать важные решения, но и некритично относиться к новой идее и неразделяемому им утверждению. Ведь не случайно одна из основных заповедей – «Не сотвори себе кумира» веками предопределяла и будет предопределять духовно-нравственное бытие человека. И, как мне представляется, её сущностный смысл не только и не столько в том, чтобы бездумно следовать за кем-либо или поклоняться чему-либо, сколько в необходимости осознания невозможности и недопустимости **снятия с себя своей личной ответственности** за каждый свой поступок и принимаемое решение.

И поэтому не только нет нужды уклоняться от откровенного и искреннего обсуждения столь актуальной проблемы, а, наоборот, стремиться к нему, понимая, что без серьёзного заинтересованного разговора, отрицающего изначально лукавую дипломатичность, не обойтись. И конечно при обязательности соблюдения одного исходного условия – **гражданской заинтересованности**.

И поэтому, как представляется, любые возражения, вплоть до упрёков в «утопичности такой позиции» не только приемлемы, но и продуктивны. Неприемлема только самая страшная и самая губительная, но нередко проявляющаяся привычка «забалтывать» требующую практических действий проблему, назавтра, образно говоря, забывая, о чём с восторгом говорилось вчера.

А ведь без раскрытого перед социумом процесса перехода к патриотизму как государственной идеологии, убедительно объясняющего, **что, кому и как** надлежит для этого сделать, и, как бы, исходя из того, что столь продуктивная идея сама подскажет каждому ответы на эти вопросы, изна-

чально, по определению, не добиться столь судьбоносного для страны результата.

И поэтому, как мне представляется, особую актуальность приобретает именно **педагогический аспект** выдвинутой Президентом РФ идеи, превращающий поиск ответа на эти судьбоносные вопросы в социально значимую совокупность практически решаемых задач. И осознание необходимости особого отношения к этой идее как совокупности социальных задач, требующих педагогической обеспеченности, не только становится историческим ориентиром поступательного развития страны, но и конкретным – для всего народа и государственной власти – делом. Именно **конкретным и ежедневно выполняемым**.

И реальная возможность перехода от логики общих рассуждений к логике подлежащих практическому решению даже столь трудных социальных задач, не позволяет согласиться с высказыванием известного журналиста, по мнению которого «нет гения, способного выдвинуть всех нас объединяющую идею». Не берусь судить о том, что доказывается только и единственно самой историей, но выдвинутая Владимиром Владимировичем Путиным идея превращения **патриотизма в общегосударственную идеологию** действительно способна выполнить столь исторически судьбоносную миссию в силу одной своей генетической особенности – органической неразрывности знания, призванного сформировать внутренний мир ценностей каждого из вступающих в жизнь поколений, и испытываемого каждым чувства любви к своей родине. И поэтому, как мне представляется, самая основная заслуга Президента страны не столько в выдвигании столь судьбоносной идеи, сколько в принятом политическом решении **сделать государственную власть ответственной за её воплощение в жизнь**. А это значит – не только помогать, создавать необходимые условия, но и видеть политическую предназначенность власти в повседневном следовании всеобъединяющей идеологии, позволяющей строить будущее России на творческом потенциале народа.

И от педагогической науки и отечественного образования потребуются обосновать и раскрыть пути конкретного воплощения этой судьбоносной для России идеи. Ведь идеология пусть и особое, **но знание**, которое можно преподавать, изучать, и овладеть этим знанием, не только любить свою родину, но и знать, как лучше и эффективнее служить ей.

И, следовательно, сам факт признания Президентом страны необходимости превращения патриотизма в общегосударственную идеологию отражает историческую востребованность превращения светского государства из средства подавления интересов одних социальных групп ради интересов других социальных групп в средство **гармонизации внутригосударственных отношений** между всеми социальными и этническими группами, пре-

вращая, тем самым, понятия «народ» и «политическая нация» в научно обоснованную констатацию социального преодоления противоречий между государством и обществом.

НЕ ЗАБОЛТАТЬ БЫ, ИЛИ ОТ СЛОВ – К ДЕЛУ

Если такое сравнение уместно, то любая, даже самая замечательная идея схожа с родившимся ребёнком, которому просто не выжить без неусыпной родительской заботы. И, наверное, не надо объяснять, и как велика эта зависимость, и как родителям, мягко говоря, непросто жить, ежеминутно прислушиваясь к его дыханию и малейшему всхлипу. Но любовь к этому беззащитному существу позволяет в течение не одного месяца и даже года **так жить**, испытывая при этом ни с чем несравнимую радость.

Но даже при допустимости такого сравнения, нельзя не признавать, что новая идея несравнимо более беззащитна, чем новорожденный малыш. Ей изначально уготована более тяжкая судьба. Ведь с ней, как говорится, хлопот не оберешься. Надо ведь не только донести её суть до людей, доказывая, насколько она для них же важна, но и, что самое главное, найти и пути её превращения из произнесённых, пусть и очень важных слов, в личностно значимую мировоззренческую установку, которой они будут руководствоваться и действовать в повседневной жизни.

При этом **предстоит осознать**, что в обществе, раздираемом сложнейшими внутренними противоречиями, любая радикальная идея, с одной стороны, не только найдёт своих сторонников, но и натолкнётся на нескрываемое неприятие или противостояние открытых противников, с другой же - окажется **потенциально** способной их объединить. Без такой способности любая, даже сколь угодно продуктивная идея изначально исторически обречена на пополнение рядов социальных утопий. И неоспоримость факта нескрываемого стремления постсоветского общественного сознания «выдвинуть», «разработать», придумать» и т.д. идею, способную преодолеть разрушительность социальных противоречий, призвана убедить в априорной бесперспективности рефлексивных попыток достижения столь судьбоносной для любого социума цели. Ибо идея, способная объединить тех, кого объективно сталкивают разные интересы, ценности, традиции, убеждения и т.д., если исключить насильственные пути решения, изначально не может не пробуждать социальной готовности и желания каждого способствовать её превращению в жизнь. И, следовательно, такую идею, как было отмечено, «придумать» невозможно, она в сути своей, как и любая историческая востребованность является определённой констатацией наличия в реальной действи-

тельности сил, относящихся к ней как к судьбоносной цели. И если к этим силам присоединяется государство, то нетрудно понять, насколько исторически значима роль такой идеи, и насколько неотложна необходимость её практического воплощения в жизнь.

Нам всем действительно предстоит глубоко и ответственно осознать, что в жесточайших условиях глобализации без целенаправленного объединения властных возможностей государства и творческой энергетики социума России не выстоять. И предложение Президента РФ о превращении патриотизма в государственную идеологию не предмет умозрительных измышлений, а реальная возможность не только преодоления разрушительной противоречивости между гражданами страны, по-разному трактуемыми, но одинаково любящими свою родину — Россию, но и единственная возможность целенаправленного обеспечения её исторически достойного будущего.

И если «любовь к родине» не пустые публично произносимые слова, а испытываемое человеком чувство, неодолимо порождающее осознание своей ответственности за Неё, то идея превращения патриотизма в государственную идеологию, не только не может нас не объединить, но и не стать содержательной основой и историческим ориентиром воспитания подрастающих поколений.

И, следовательно, фундаментальная значимость идеи, выдвинутой Президентом страны, с одной стороны, определяется жесточайшими требованиями происходящих в мире глобализационных процессов, с другой, единственно реальной возможностью обеспечить исторически востребованный уровень единства властных возможностей государства и творческой энергии народа, основанной на **любви к своей родине и гражданской ответственности за её будущее.**

И, как уже не раз случалось в истории человечества, когда реальная опасность объединяла все слои общества в единое целое, порождаемой глобализацией угрозы, требует такого объединения, но по сути, и обуславливает необходимость превращения патриотизма в общегосударственную идеологию как исходной основы целенаправленного использования властных возможностей государства в неразрывном единстве с творческой энергетикой входящих в жизнь поколений.

И для этого придётся решить две взаимообусловленные задачи.

Первая в сути своей означает необходимость оказания на социум просветительского и пропагандистского влияния, призванного раскрыть перед взрослым населением страны, исходящего из разных представлений о патриотизме не только тупиковость, но и **историческую губительность** про-

тивостояния людей, искренне считающих себя патриотами **единственной** для каждого родины. И в самом факте выдвижения Президентом России патриотизма как государственной идеологии распознать исторически беспрецедентную для истории России возможность объединения властных возможностей государства и созидательной энергетики народа как фундаментальной основы развития в условиях глобализации.

И, как представляется, при всех реально существующих сложностях и социальных противоречиях в такой исходной позиции и в такой государственной пропаганде изначально нет ни лукавства, никакой бы то ни было полуправды и, тем более, желания манипулировать общественным сознанием. Ведь, при всех различиях определений патриотизма, в основе каждой из них **любовь к своей родине – России**, а она – для всех, кто считает себя патриотом – **одна**.

И если атомная бомба способна с позиций каждого нормального человека сдерживать и не ввергать человечество в войну на взаимоуничтожение, то любовь к своей родине, её настоящему и будущему, не может для «красных и белых», членов и не членов КПСС, монархистов, демократов и либералов, жителей Владивостока, Новосибирска, Екатеринбурга, Воронежа, Казани, Махачкалы, Москвы, Санкт - Петербурга, Смоленска, Калининграда не стать фундаментальной идеологической основой для жизненно необходимого России объединения. И тем самым стать социальной основой для целенаправленного построения исторического будущего верной своей культуре, духовно нравственным ценностям конкурентоспособной России.

Я не могу рассуждать, как говорится, за В.В. Путина, но выдвижение идеи о превращении патриотизма в государственную идеологию, позволяет утверждать, что политический лидер страны не только аналитически осознал, но и буквально почувствовал и ощутил реально возникшую возможность не просто опереться на испытываемое людьми чувство патриотической любви к родине, что, в принципе, так или иначе использовалось государством, а исторически беспрецедентного обеспечения поступательного развития России на идеологическом единстве политических возможностей власти и преобразующей энергетики общества.

И, как представляется, убедительность позиции, отстаиваемой Президентом страны не только как гарантом Конституции, но и как сыном своей родины, осознающим свою личную ответственность за претворение в жизнь им же выдвинутой идеи, продуктивно скажется и не может не сказаться на эффективности оказываемого пропагандистского влияния на взрослое население страны.

Но есть **и вторая**, и, может быть, самая сложная задача целенаправленного воспитания подрастающих поколений на основе идеологии, которую, по сути, если речь идёт о школе, только ещё предстоит создать как **учебный предмет**. Ибо патриотизм как идеология - это не только спонтанно возникающее чувство, но и **системная совокупность особых знаний**, призванных не только сформировать исходные мировоззренческие установки и буквально иммунное усвоение личностно значимых ценностей, но и придать своей жизни непреходящую значимость и ценность. И признание особой личностной значимости таких знаний является единственной критериальной основой, с позиций которой буквально исчезает, когда речь идёт о патриотизме, вековая неразрешимость противоречия – «личность и государство».

Так, одни видели и видят в патриотизме особое чувство, которое, рождаясь в душе человека, определяет его поступки, отношения, цели в течение всей его жизни. Другие, зная, не только из книжек, но и из личного жизненного опыта, как бесстыдно, нагло и безнаказанно власть использовала это чувство, превращая, по сути человека в добровольного раба, буквально проклинали этот самый - уничтожающий гражданскую свободу и превращающий великое слово «справедливость» в бессмыслицу - «патриотизм», напрочь отказывают ему как социальной ценности. И в наши дни, как ни странно, это различие в оценке патриотизма не только сохранилось, но и не потеряло своей социальной остроты. Правда, кое-какие изменения в общественном сознании разных стран мира всё же произошли.

Так различие подходов государства к использованию патриотизма на Западе и в России проявляется в том, что у них он используется на «договорной основе», т.е. заранее оговаривается и официально утверждается «сколько» и «за что» получит от государства каждый, чьим патриотизмом оно-государство воспользовалось. У нас же патриотизм, как и всякое используемое властью проявление любви, не оплачивается. И в результате получается, что нынешние, даже самые активные защитники гражданских свобод, в принципе, не возражают против использования властью патриотической любви, надо только строить отношения между гражданином и государством на «договорных началах».

Может быть, так и надо. И ведь действительно, потеря ноги – это одно, зрения – другое, а - жизни, естественно, третьё. И сам человек, и его семья не могут быть государством, грубо говоря, брошены, оставлены с бедой наедине. Кто против этого спорит?!

Но причём здесь патриотизм?! И разве наёмник, заключающий договор, и видящий в заранее оговоренной сумме свою цель - патриот? И это со-

всем не риторическая постановка проблемы, а только одна из её сторон. Ибо за ней, как бы, скрывается совершенно **другая**. Трагично другая. Ибо суть её в том, что совершенно справедливое требование не бросать человека в беде, и на государственном уровне проявлять заботу о нём с таких установочных позиций на место испытываемой человеком любви к своей родине возводит «деньги», объективно превращая их в духовную социальную ценность.

И всё же надо признать, что даже столь циничное отношение к патриотизму представляется не самой страшной бедой, вторгнувшейся в мир духовно - нравственных исторически обретенных человечеством ценностей.

Любовь, вообще, и, тем более, любовь к родине – самое великое историческое обретение человека. Преображая его внутренний мир, оно не только влияет на его поступки, отношение к другому человеку и буквально ко всему, что его окружает, но и придаёт **самой его жизни** особый смысл, награждая удивительной, недоступной тем, кто так не любил и не испытал такой любви, особой значимостью. Любовь, как ничто другое, избавляет человека от испытываемого одиночества, позволяя человеческой душе ощутить свою нерасторжимость с другим человеком и окружающим миром. Не страсть, не увлечение, не желание овладеть, а именно такая любовь раскрывает перед человеком ни с чем несравнимую возможность проявить себя в служении, ответственности и долге, но ощущаемых как жизненно необходимая тебе лично потребность.

И, к сожалению, приходится признать, что нынешние дискутирующие и занимающие разные позиции теоретики, не признавая именно этой личностной значимости патриотизма, а изначально исходя из интересов государства, по сути, не поняли великого пушкинского откровения: «Не продаётся вдохновенье. Но можно рукопись продать».⁶

А не понимать, что чувство любви к родине, в первую очередь, жизненно необходимо самому человеку, значит, тем более, не только не понимать, но и, по сути, отрицать самую возможность и **необходимость** целенаправленного использования в воспитании этого великого в своей преобразующей мощи чувства **в интересах самого человека**.

И это уже не философский, не социологический, и даже не политический, а сугубо **педагогический вывод**.

К сожалению, приходится признать, что наши идеологи, политологи, пропагандисты, теле и радиоведущие, как правило, не зная или не призна-

⁶ А.С.Пушкин. Разговор книгопродавца с поэтом. Пушкин А.С. Полн.собр.соч. в десяти томах. Т. 2. – Л.: Наука, 1977

вая закономерностей особенностей воспитания, не считаются с очень важным по своей фундаментальной неотвратимости законом - неодолимости возникновения адаптации⁷. И поэтому, стремясь к достижению выдвигаемой цели, они считают, что чем чаще говорить ребёнку, человеку вообще, о том, что представляется важным, тем лучше будут достигнутые результаты.

Но не столько для опровержения такого взгляда, сколько для обращения к незабываемому факту из моей учительской биографии, приведу этот пример. Не успел я войти в класс, как буквально сразу же был встречен коллективно произнесённым моими семиклассниками речитативом: «А мы знаем, о чём Вы нам будете говорить!». И я, как говорится, не «врубившись» в ситуацию, и действительно, не понимая, что их побудило так меня встретить, простодушно спросил: «О чём же?», И они, хохоча, перекрикивая друг друга, ответили: «О XXII съезде партии! До Вас на каждом из пяти уроков каждый учитель с этого начинал урок».

Нетрудно догадаться, к такому ли результату стремился каждый из учителей, посчитавший необходимым начать урок с разговора с учениками об этом, действительно важном политическом событии?

И если неотложность решения сугубо политических проблем изначально предопределяется сложившейся ситуацией, соотношением взаимодействующих и взаимодействующих сил, то в воспитании, если действительно стремиться к достижению требуемого результата, ни при каких обстоятельствах, недопустимо игнорирование фундаментальных педагогических принципов и законов. В данном контексте - адаптации. И существующее множество фактов недопустимо низкой эффективности принимаемых в образовании управленческих решений и проводимых мероприятий с неопровергаемой доказательностью свидетельствуют именно об игнорировании этого не допускающего исключения требования.

И поэтому сколь угодно важная по своей социальной значимости задача, но требующая педагогического обеспечения, не может быть, по определению, решена без неукоснительного соблюдения этого фундаментального требования. И если решение политических проблем изначально призвано осуществляться с позиций требований известного принципа «здесь и сейчас», то в педагогике всё только и может быть достигнуто при обязательности его не знающего исключений отрицания. Образование – независимо от того, признаём ли мы это или нет, не настоящее, превращаемое в будущее, а, наоборот, будущее, не спонтанно возникающее, а целенаправленно создаваемое в настоящем. И только в этой исторической предназначенности образования – критериальная основа определения социальной ценности эффектив-

⁷адаптация. Бим-Бад Б.М. Педагогический энциклопедический словарь. — М., 2002. С. 11-12

ности и качества практической целенаправленности не только учебно-воспитательного процесса в целом, но и, каждой учебной программы и создаваемого учебника, всего комплекса проблем, связанных с подготовкой и переподготовкой кадров, и, конечно, каждого принимаемого управленческого решения.

Любая цель и любая подлежащая педагогическому решению задача изначально не могут не рассматриваться как необходимость гарантированного достижения требуемого результата, изначально понимая, что достигнут он, этот результат, будет не сейчас, а в **будущем**, по определению, не **являющимся линейно пролонгированным «настоящим»**.

При этом, когда речь идёт об образовании, не то, что очень важно, а жизненно необходимо, наконец, осознать, что столь нужный и требуемый «результат» воплощается в конкретных людях, их отношениях, мировоззренческих установках и волевых устремлениях. И для его достижения у нас «сегодня» должны быть основания не только предполагать, но и быть уверенными, что именно **эти люди**, выйдя за порог учебного учреждения (школы и вуза) в этом самом «будущем» не только проявят свои сформированные профессиональные компетентности, но и окажутся носителями и активными защитниками наших нравственных ценностей и всего, что воплощено в самом дорогом для человека понятии «родина».

И такая уверенность в том, что подрастающие поколения не только в стенах школы и вуза, и не только под контролем учителей и воспитателей, будут строить свою жизнь, исходя из этих установок, может проявиться – только и единственно – если патриотизм с раннего детства будет для каждого из них не набором по случаю произносимых фраз, а действительно испытываемым чувством **любви**, которая превращает в неразрывное целое интересы и целевую направленность личности и родины, сыном которой он себя **ощущает**.

И поэтому решение столь судьбоносной проблемы находится в прямой зависимости от того, насколько мы сумеем не только донести до каждого ребёнка знания о патриотизме как нашей государственной идеологии, но и педагогически преобразовать эти знания в **особую эмоционально значимую ценность**. И только это исходное требование является единственной критериальной основой формирующего продуктивного включения патриотизма как государственной идеологии в содержание современного отечественного образования. Поэтому преподавание патриотизма как программно **изучаемого знания** станет эффективным, если будет находить в детской душе **эмоциональный отклик**.

Методологически фундаментальной основой **педагогического решения** проблемы преподавания патриотизма как идеологии является аксиоматическая непреложность исходного требования – формировать в душе ребёнка необходимое чувство, используя для этого только такие методы и средства, которые способны пробуждать личностное отношение, основанное на эмоциональной реакции - жалости, сострадании, гневе, радости, возникающем стремлении поддержать, прийти на помощь, проявить заботу.

Любые сколь угодно убедительные аргументы, обращённые к сознанию ребёнка, но не порождающие его личностного эмоционального отношения, не только не приводят к достижению поставленной цели, но и саму цель превращают в вербально произносимое ради оценки знание.

Любая эмоция, а тем более такая, как любовь, изначально не является производным от логической состоятельности произносимых аргументов, и, тем более, от частоты повторения произносимых скорее для запоминания слов. Её источник - сюжетная динамика раскрываемых отношений, эмоциональное воздействие которых он не может не ощущать, и которые единственно позволяют педагогу, образно говоря, связать воедино ощущение, испытываемое ребёнком, и слово, его отражающее. Без этой опоры любые произносимые слова, причём даже адекватно понятые и уместно произносимые, к испытываемому ребёнком чувству никакого отношения, по сути, не имеют. Разве, что приводят к возникновению нескрываемой циничной готовности произносить их, ничего при этом не чувствуя.

И, следовательно, задача, которую системе отечественного образования предстоит решить и состоит в том, чтобы найти системное решение проблемы преподавания патриотизма как особой совокупности предметного знания, призванного сформировать исходные идеологические установки личности.

УЧИТЬ ПАТРИОТИЗМУ

КАК ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ

Признание патриотизма государственной идеологией, призванной стать содержательной основой целенаправленного воспитания подрастающих поколений, требует, как отмечалось, решения двух взаимосвязанных задач – разработки содержания принципиально нового учебного предмета, т.е. того, чему изо дня в день **учить**, и критериального отбора средств и методов, способных сформировать личностное и **обязательно эмоциональное отношение** к этой идеологии.

При этом и методы, и формируемое содержание этого **учебного предмета** изначально должны быть подчинены только одной цели – **пробуждению в детских сердцах и душах любви к своему отечеству**.

Для этого и содержание, и методы должны буквально с первого, как говорится, шага обеспечивать личностную эмоциональную заинтересованность ребёнка в соответствии с его **возрастными особенностями**. И не монологовые лекции о значении патриотизма, и не примеры проявления патриотизма со стороны известных героев, а стихи, сказки, песни, которые ребёнку изначально будут нравиться, которые ему захочется ещё и ещё раз услышать, прочитать и спеть, и из которых он не только будет узнавать что-либо познавательное новое, но и **испытывать** определённые чувства, порождающие желание пожалеть, сострадать, прийти на помощь, восхититься или, наоборот, осудить. И тем самым создавать эмоциональный, образно говоря, фундамент, благодаря которому идеология патриотизма, **не претендуя на разрешение всех социальных противоречий**, объединит интересы государства и каждого из подрастающих поколений в единое целое.

Историческая беспрецедентность выдвинутой В.В. Путиным идеи в том и состоит, что Президент страны не только исходит из необходимости в системном обеспечении социально востребованного уровня развития отечества на основе объединений усилий власти и общества, но и как политический руководитель видит в этом единстве проявление своей личной исторической ответственности перед будущим нашей родины – Российской Федерации. И именно поэтому, отвечая на вопрос немецких журналистов, В.В. Путин сказал, что для всех остальных стран он «не друг, не невеста и не жених», а Президент страны, который видит свою обязанность в защите интересов всех граждан своей страны. Нетрудно увидеть именно в таком ответе полное отождествление интересов государства и каждого из его граждан. А в такой позиции, занимаемой Президентом страны, впервые в истории России не только воедино сливаются политические интересы государства и всех её граждан, но и всенародно признанный Президент страны видит в этом слиянии свою историческую предназначенность. Выдвинув идею превращения патриотизма в государственную идеологию, Владимир Владимирович Путин как историческая личность оказался выше политических интересов, связываемых с определённой социальной группой и заботой об укреплении своей личной власти, что объективно способствует превращению отечественного образования в средство целенаправленного патриотического формирования вступающих в жизнь поколений.

И если многое будет зависеть от того, насколько Президенту и подчинённым ему государственным структурам удастся преодолеть фанатичную односторонность взглядов ряда представителей взрослого населения страны, то основной вклад в окончательное решение превращения патриотизма в единую для всей страны идеологию будет определяться образованием, его

готовностью изо дня в день обогащать душу каждого молодого вступающего во взрослую жизнь человека самым великим духовным и нравственным чувством любви к своей родине. И благодаря образованию, формирующему подрастающие поколения на такой идеологической основе, в жизнь по нарастающей будут активно вторгаться молодые люди, для которых любовь к родине изначально избавлена от какой бы то ни было безудержно эмоциональной разрушительности, сводящейся к делению граждан страны на «своих» и «чужих», и в результате - к пирровой победе над своим политическим оппонентом.

Великий Макаренко завещал всем, кому дорога страна, её будущее – дети: воспитание, не сводимое к примитивной дисциплинированности, контролю и администрированию, не может и не должно строиться на отрицании, даже когда речь идёт о запрете. «НЕ делай», «НЕ нарушай», «НЕ балуйся» и т.д., как распространённые и хорошо известные образцы запретительной педагогики изначально лишены позитивно формирующего начала. «Не делай» не отражает для ребёнка ответа, что **нужно делать**. Частица «не» не несёт в себе той необходимой **определённости**, без которой воспитание лишается самого главного чёткого **содержательного наполнения**. И только в слиянии такого содержательного наполнения в неразрывном единстве с испытываемым человеком чувством проявляется социальная предназначенность воспитания вообще, а **идеологического в особенности**.

Воспитание как удивительное чудо превращения внешне оказываемых влияний в мир внутренних установок и волевых устремлений личности не только призвано, но и способно **по-особому** решать исторически судьбоносную совокупность задач. И «особость» эта состоит в том, что именно воспитание обеспечивает народу переход от настоящего в будущее, воплощаемое в готовности вступающих в жизнь поколений не только творчески использовать полученные знания, но и отстаивать и воплощать в реальной действительности духовно - нравственные ценности своей страны.

Но - и это самое главное – воспитание только тогда, будет соответствовать своей фундаментальной предназначенности, когда судьбоносные для бытия и развития социума ценности **перестанут быть формально заученным знанием, а станут фундаментальной основой мировоззренческих и эмоционально-волевых устремлений личности**. И поэтому для воспитания смерти подобно формальное сведение формирующей цели образования к требованию – знать изучаемый предмет. В объективно неразрывной связке «воспитание – знание» определяющее исходным должно быть то, что единственно отражает педагогический смысл **государственно востребованного образования – формирование личностного отношения ко всей совокупности проблем, связанных с этим знанием и возможностями его творческого использования и применения**.

Из неразрывности диалектического единства этой связки должна рождаться исходная совокупность установок и требований, **определяющих политическую и управленческую культуру выдвижения в образовании целей и путей их достижения.**

И вот что особенно значимо в такой постановке проблемы **«цели в образовании»** – её глубинная, но, к сожалению, не отрефлексированная в научном и общественном сознании – **диалектичность.** Ибо, с одной стороны, в самом факте **выдвижения цели** изначально отрицается, какая бы то ни было **фатальность исторического развития социума,** с другой – столь же категорично отрицается возможность волюнтаристского отношения к цели, якобы полностью зависящей от субъективных устремлений и административной ничем не сдерживаемой активности. И, следовательно, самого факта выявления социальной потребности для выдвижения в образовании определённой, требующей немедленной практической реализации цели, не только **недостаточно, но и недопустимо.**

Отсутствие проектной и при этом системной и последовательной проработанности не только не может привести и не приводит к желаемому результату, но и неотвратимо компрометирует самую цель и, как правило, негативно удручающе сказывается на социуме, ради которого она, казалось бы, выдвигалась.

Цель, выдвигаемая в образовании, это, с одной стороны, проектно формируемое **будущее,** которое без **прогностической обоснованности не может состояться,** с другой – это **последовательный процесс, эффективное воплощение которого напрямую зависит от сформированной готовности каждого структурного звена системы отечественного образования взаимосогласовано действовать.**

Эти исходные методологические установки в полной мере не только относятся к проблеме **«Патриотизм как идеология – предмет школьного образования»**, но и предопределяют самую возможность его введения как учебного предмета в содержание образования. При этом, чрезвычайно важно в современных условиях осознать социальную губительность распространённого мнения, что «школа и образование, вообще, консервативны». И не только потому, что оно антинаучно, и нисколько не соответствует объективно существующим закономерностям, которым подчиняется образование, а потому, что именно за ним скрывается управленческий волюнтаризм, и непрекращаемые попытки исходить из требований генетически неприемлемого для образования принципа «здесь и сейчас».

И когда образованию буквально навязываются образцы не только чужого, но и чуждого отечественной культуре опыта, когда в течение многих

лет неподготовленный отечественный учитель оказывается в печальной роли «стрелочника», то при чём здесь «школьный консерватизм» ?!

Но, к сожалению, приходится признать, что не только органы управления системой отечественного образования, но и непосредственно представители педагогической науки, не видят, или не хотят видеть принципиальных различий между такими терминами, как «управление образованием» и «правление развитием образования». А ведь это не безобидное отождествление. За печально известной фразой «хотелось, как лучше, а получилось, как всегда», констатирующей разительное отличие между выдвигаемыми в образовании целями и достигаемыми результатами, не вызывающее ни возмущения, ни удивления признание необъяснённой фатальности. А ведь не бывает и, по определению, не может быть, чтобы за такой статистической повторяемостью не было **причинной обусловленности**. И она, как представляется, **в смысловом отождествлении этих понятий**. Ведь мы думаем не потому, что так действуем, а, наоборот, действуем – потому что так думаем.

Ведь, в конечном итоге, школа стремится выполнить то, что от неё требуется, причём с позиции принципа «здесь и сейчас», чего она, по определению, будучи программно и целенаправленно создаваемым **будущим, выполнить не может**. И значит, за существующим обвинением школы в консервативности скрывается реальное управленческое игнорирование её социальной целевой предназначённости, неодолимо приводящее к самым негативным и для системы отечественного образования и, самое главное, для исторически востребованного развития страны последствиям.

Ребёнок, который сегодня поступил в первый класс закончит школу **через десять лет!** А ученики, сегодня заканчивающие школу, учились по официально действующим программам и теми учителями, которые, как правило, не исходили из навязываемых школе новых управленческих решений и программ. И может быть самое странное, происходящее в системе отечественного образования состоит в том, что каждое вновь навязываемое школе управленческое решение, не только не учитывает этих исторически нескончаемых ошибок, а с упорством достойного лучшего применения продолжает их совершать. Нет, наверное, необходимости обращаться к хорошо известным примерам реформирования, произведенным с системой образования даже в прошедшие десятилетия, и естественно, той ценой, которую за всё это пришлось и ещё будет приходиться платить, но в подтверждение только один пример организационного объединения разных школ в одно учебное учреждение. И я не знаю, какую экономическую выгоду от такого управленческого новаторства получит государство, но то, что мы потеряем или уже потеряли уникальное своеобразие десятилетиями создаваемого опыта, отношения к **своей школе, особой формирующей среды, достижений своего педагогического коллектива** – ничем невозполнимые потери, разрушительная соци-

альная негативность которых не может так или иначе не проявить себя в нашем же будущем.

Нам наконец пора понять, что каждое «сегодня» - это и «вчера», и «завтра». И если мы будем видеть свою задачу, как говорится, в повторении пройденного или же в безудержной нетерпеливости отождествления этого «завтра» немедленно, результаты будут соответствовать печально известной мудрости «хотели, как лучше...». Или же, не менее известным, «не ошибается тот, кто ничего не делает» и «сначала вяжемся в бой, а там видно будет». Конечно для таких установок были, наверное, свои причины. Но, как представляется, основная из них в том, что те, кто действовал, руководствуясь ими, оставались безнаказанными. Иллюзорность достижимого успеха как источник личностной активности, порождающая использование любых пригодных для этого средств и методов, находила свое оправдание в общественном сознании не только в отдельных временных удачах, но и в такого рода всепрощающих мудростях.

XXI век, на который возлагались такие грандиозные и жизненно необходимые человечеству надежды, к сожалению, не только не оправдал их, а наоборот, всё сильнее ввергает нас в водоворот разрушительных событий, могучая инерционность которых может стать тотальным диктатором и для нашей родины – России.

И когда В.В. Путин как ПРЕЗИДЕНТ страны и каждого из её граждан народа предлагает превратить патриотизм в спасительную для всех нас идеологию, то в этом великая историческая прозорливость политического лидера, видящего именно в этом исторически единственную возможность сохранения того, что пусть по-разному, но личностно и эмоционально дорого каждому сыну и каждой дочери России.

И, следовательно, сознательно единственной основой гражданского объединения людей, придерживающихся разных политических взглядов, исходящих из разных исторических представлений и духовных ценностей, может бы государственная Конституция Российской Федерации. Но любая конституция как свод написанных требований и норм без их воплощения в реальных действиях и поступках людей, без личностного стремления не только поддерживать, но и всемерно защищать её – пустой набор призывов. И если Президент страны, обращаясь ко всем нам не только на словах, но и на деле, стремится быть гарантом выполнения этих требований со стороны государства, то основной, исторически востребованной и поставленной перед отечественной школой целью является формирование вступающих в жизнь поколений, для которых поддержка Президента страны в понимании судьбоносной предназначенности Конституции является основной жизненной целью. И именно для решения такой задачи роль школы невозможно переоценить.

Но для её воплощения в жизнь школе придётся самостоятельно решить то, что для неё и вместо неё решить не может, ибо суть такого решения, зависящего только от школы, определяется тем, как донести до ученика каждое положение Государственной Конституции как особое знание, глубоко эмоционально проникающее в душу каждого ученика, и тем самым, становящееся его судьбоносным и столь необходимым стране духовным ориентиром. И именно поэтому школа, ответственно отнесясь к призыву Президента страны, реально становится самым основным средством практического осуществления столь необходимой для страны, для каждой семьи и для каждого её гражданина цели. И личностное отношение каждого к государственной Конституции как содержательной основе формирования патриотизма, как идеологии позволит не только обеспечить исторически востребованный уровень сплочённости всего народа, но и наполнить жизнь каждого из вступающих в жизнь поколений столь значимым духовно-нравственным смыслом.

Необходимое заключение...

Эта статья, необходимость которой была определена выношенной, как мне представляется, идеей Президента страны В.В. Путина об исторической возможности и необходимости превращения великого чувства любви к своей родине России – патриотизма как востребованной государственной идеологии, была написана мною сразу же после её обнародования.

Но я, живя в реальной и безгранично конфликтно-противоречивой действительности, долго и мучительно не мог прийти к решению - публиковать или нет. Тем более, что высказанная Президентом страны - и причём не единожды - идея не находила публично активной поддержки, не говоря уже о возможных путях её конкретной реализации. К тому же, чем больше проходило времени, сама идея опоры на патриотизм как основу духовно-нравственного единения всего народа стала с разных не столько идеологических позиций, сколько политически групповых пристрастий не только критиковаться, но и представляться как недопустимо духовно разрушающая социум опасность. При этом, я никого – ни тех, кто критикует эту идею с либеральных позиций, ни тех, кто видит в ней средство борьбы с инакомыслием или превознесением всяческих прав самой личности, не хочу обидеть.

Мне представляется принципиально важным и значимым принципиально другое, чего как бы не замечают или не хотят замечать, эти критики. А не замечают они самого, как мне представляется, главного. Впервые в истории России произошло событие, равных которому никогда не было. Хотя, как известно, было всякое. Впервые на вершинах государственной власти оказался человек, способный не только стать единоличным правителем и, благодаря этому, упиваться безграничными личностными возможностями, утоляя

и своё тщеславие, и желания ближайшего окружения, но и в силу определенных обстоятельств осознавший не только свою личную ответственность, но и ответственность государства не перед абстрактным понятием «народ», а перед реальными людьми, этот народ составляющий.

Я намного старше Владимира Владимировича, и я не только слышал речи всех наших политических лидеров, начиная со Сталина, но и учился, работал, пытался, как всякий учитель, разобраться, жил в происходящем, в реальной действительности, но никогда раньше не имел возможности сколько-нибудь отчётливо понять, как происходит не в истории, а у нас в стране великое политическое чудо - приход конкретного человека к единоличной власти. Не мог, хотя я лично задавал Б.Н. Ельцину вопрос на встрече, организованной ЦК ВЛКСМ: «Не считает ли он предательством по отношению к М.С. Горбачёву, который, по сути, привлёк его к руководству на столь высоком уровне?», и обратился к нему по Всероссийскому радио с напоминанием о его собственной оценке своей деятельности в роли первого секретаря Московского горкома партии, в которой он жёстко оценил её, как резко отрицательную, свидетельствующую о его профессиональной личностной неготовности. Отвечая на этот вопрос, Б.Н. откровенно признавал, что, когда он начал борьбу с одной мафией, буквально заставляла начинать борьбу другая. Итак, до бесконечности.

И всё же, даже приход Ельцина к власти ничего нового для меня не раскрывал. И если бы не мощь движения широких народных масс, ничего подобного ему и таким неподготовленным людям достигнуть бы не удалось. Власть, им доставшаяся, была масштабнее и значительнее их личных интеллектуальных и творческих возможностей. Ибо самый высокий уровень творчества – это политическая деятельность. И только очень немногие, даже пришедшие к власти, по своему творческому потенциалу оказывались достойными ими же достигнутого.

Но именно таким политическим деятелем оказался Владимир Владимирович Путин. И не только благодаря своей уникальной интуиции, безграничному трудолюбию, удивительно ёмкой памяти, мужественности и верности определённым принципам, и, конечно, невиданной яркости и убедительности своих публичных во многом импровизационных выступлений, внутренней способностью понять и услышать других, пониманием реальной сложности социально бытия и устройства мира – и это перечень удивительных качеств, присущих одному человеку, но и редчайшей способностью к самоизменению, глубокому аналитически обоснованному пересмотру даже того, что раньше казалось необходимым и правильным. При этом, в отличие от Владимира Ильича Ленина, действительно великого мыслителя, но стремящегося радикально изменить мир, принести всему человечеству столь необходимую справедливость, и только для этого не считавшегося ни с собой, ни с какими бы то ни было жертвами, и, тем самым, с одной стороны, обога-

тивший мир образцами служения великим целям, несравненной ценности труда и всего эксплуатируемого человечества, Владимир Владимирович Путин – не фанатичный идеолог, а живой человек, любящий, страдающий и торжествующий, прислушивающийся к себе и другим, и поэтому видящий смысл, что я смею утверждать, в достижении тех целей, которые, в первую очередь, важны и необходимы дорогим для мира его ценностей людям. И оказываемая своему политическому лидеру во многом вопреки реальным жизненным условиям всенародная поддержка основана не на страхе, и даже не на очевидных для каждого публичных выступлениях, а на авторитете, завоёванном выдающимся политиком в сохранении государственной целостности России, соответствующей её, пусть и драматичной, но, несомненно, великой истории.

Не могу не отметить и того, что В.В. Путин уже дважды обращался к обществу с призывом сделать отечественную школу лучшей в мире. В связи с идеей превращение патриотизма в государственную идеологию поможет не только вывести нашу школу на высший по мировым меркам уровень, но и, благодаря ей решить судьбоносную для страны задачу, воспитывая на основе государственной конституции каждого из вступающих в жизнь патриотом своей родины – России.

И наверное, определённым основанием для выполнения задачи, поставленной Президентом страны перед страной и системой отечественного образования, является не придуманная, а неопровергаемая убеждённость в том, что он как личность не разрушитель, а созидатель, и что как политик он изначально верен определённым нравственным и духовным ценностям, и, конечно, в том, что, завоевав доверие народа, он стремится использовать его не для абстрактно придуманных теорий и схем, а для страны, будущее которой одинаково дорого, для кого Российская Федерация – родина.

И я, написавший эту статью, более полувека посвятивший отечественному образованию, в конечно итоге, несмотря на сложность реальной ситуации, сложившейся в мире и нашей стране, принял непростое для себя решение опубликовать её не только потому, что полностью разделяю позицию Президента страны, но и потому, что у всех нас, противостоящих друг другу в дискусионных спорах, и даже недопустимом различии экономических условия своего социального бытия, просто нет другого выхода. Во время осознаваемой всеми опасности нельзя не понимать, что только в объединении возможен исторически востребованный уровень поступательности развития единой и единственной для всех нас страны.

И именно поэтому, я считаю возможным отметить, что политическое стремление человека, откровенно торжествующего победу над своими политическими противниками, преобразовавшееся в призыв превращения патриотизма в объединяющую всех граждан страны в единый народ России идеоло-

гию –самое убедительное доказательство не только исторической необходимости, но и реальной возможности её претворения в жизнь.

PS: Я как педагог, разработавший «Педагогическую аксиоматику»⁸, с позиций которой любое решение, адресованное массовой практике будет априорно эффективным только при опоре на установленные педагогические закономерности, не могу не поразиться прозорливости политического лидера страны, диалектически увидевшего именно в патриотизме, основанном на Конституции, реальную возможность объединения всех её граждан, независимо от их мировоззренческих взглядов и пристрастий и, благодаря этому, политического объединения государственной власти и творческого потенциала народа как прогностической основы для исторически востребованного будущего РОССИИ.

⁸ Я.С.Турбовской «Педагогическая аксиоматика», м. Турбовской Я.С. Педагогическая аксиоматика как фундаментальная востребованность времени. Философия образования. – 2013, - №3